

ЭПИЛОГ

Москва. 1926 год

После разрыва с Есениным Бениславская тяжело переживает одиночество. Слабое здоровье и плохие материальные условия опять обострили неврастению, и Галя в конце ноября ложится в санаторий им. Семашко в Москве. Вышла она только в конце декабря 1925 г. После смерти поэта в ней что-то оборвалось, жизненные силы иссякли. Она еще продолжала работать, но кроме того, что касалось Есенина, ее ничто не интересовало и она ни на что не реагировала. Как будто сознательно человек отмахнулся, закрыл глаза на все живое и весь ушел в прошлое.

"Да, Сергунь, — пишет Бениславская в "Дневнике", — все это была смертная тоска, оттого и был такой, оттого так больно мне. И такая же смертная тоска по нем у меня. Все и всё ерунда, тому, кто видел по-настоящему его — никого не увидеть, никого не любить".

Она стала часто пить, закончился ее роман с сыном Троцкого. Отдельные случайные связи и глубокая тоска. В июле 1926 года она писала: «Лучше смерть, нежели горестная жизнь или постоянно продолжающаяся болезнь». Ясно? Понятно? — «Очень даже просто!». Такое состояние Гали не могло продолжаться долго.

3-го декабря 1926 года, ночью, она застрелилась на Ваганьковском кладбище на могиле любимого Сергея Александровича. Она пришла на могилу поэта еще днем. С собой взяла револьвер, финку и коробку папирос "Мозаика". Оставила открытку, на которой написала: "Самоубилась здесь; хотя и знаю, что после этого еще больше собак будут вешать на Есенина. Но и ему и мне это будет все равно. В этой могиле для меня все самое дорогое, поэтому напоследок наплевать на Сосновского и общественное мнение, которое у Сосновских на поводу". Галя выкурила всю коробку, а когда стемнело, отломала крышку коробки и написала еще одну записку: " Если финка будет воткнута после выстрела в могилу — значит даже тогда я не жалела. Если жаль — заброшу ее далеко. 1 осечка".

Было еще несколько осечек, и только после шестого выстрела пуля попала в сердце.

Такова судьба той, которая из всех женщин, когда-либо встретившихся на пути поэта, была наиболее предана ему и лучше других понимала всю сложность и противоречивость его души. Еще одна жертва невротического склада характера.

Париж, 1927 год

После разрыва с Есениным Айседора Дункан еще год прожила в России. Она работала со своими девочками, много ездила по России, постоянно выступала. Однако 30 сентября она уехала в Берлин, где жила почти впроголодь, а оттуда переехала в Париж, продав свои "любовные" письма, компрометирующие многих сильных мира всего. В Париже она завела себе нового молодого любовника пианиста Виктора Серова. Потом долго болела, и принялась писать свои известные мемуары "Моя жизнь". В 1926 году Айседора получила от московского суда извещение, что она как официальная вдова Есенина наследует все его гонорары в размере 400 тысяч франков. Но Дункан благородно отказывается от денег в пользу матери и сестер поэта, хотя ее собственные материальные дела не блестящи и ей пришлось продать дом в Нейи.

В сентябре 1927 года Айседора решила завести очередной роман с молодым агентом по продаже машин Бенуа Фалчето. Ей страшно хотелось проехаться на спортивной машине "бугатти" и она в возбужденном состоянии решила совершить прогулку, несмотря на отговоры Мэри Дести. Когда она встала в дверях, готовая к выходу, Мери Дести предложила надеть Айседоре теплый плащ, а водитель – свое кожаное пальто. Айседора покачала головой и танцуя пошла к машине. Перед тем как усесться рядом с шофером, она помахала рукой и крикнула:

— Прощайте, друзья мои, я иду к славе!

Когда машина тронулась, стало видно, что с левого плеча Айседоры свешивается длинный, отделанный бахромой конец ее шарфа. Машина помчалась вперед на большой скорости, а шарф волочился по земле рядом с колесом. Мери Дести закричала, чтобы Айседора подобрала шарф. Не проехав и двадцати метров, автомобиль остановился. Наблюдавшие за ней увидели, как голова Айседоры резко свесилась вперед. В беспокойстве они побежали к машине. Шофер, выскочив из своего "бугатти", жестикулируя, кричал по-итальянски:

— Я убил Мадонну! Я убил Мадонну!

Шарф танцовщицы был туго намотан на ось колеса с проволочными спицами. Одним быстрым ударом у Айседоры была раздавлена гортань, сломана шея и разорвана сонная артерия. Рыдающие друзья в неистовой спешке разрезали и оторвали плотный шелк от колеса; автомобиль с танцовщицей помчался в госпиталь Сен-Рош. Но жизнь уже полностью покинула тело. Тамошние врачи сказали, что смерть была мгновенной.

Москва. 1939 год

Летом 1939 года на своей квартире была зверски убита Зинаида Райх. Говорили, что якобы вечером пришли навестить ее два молодых человека, которые раньше бывали у Мейерхольда. Зинаида Николаевна пригласила их выпить чаю, закусить. Когда молодые люди собрались уходить, они вдруг накинулись на хозяйку, бросили в кресло, привязали к нему накрепко. Они приставили нож острием к ее сердцу и потребовали, чтоб она сказала, где лежат золотые запонки и портсигар Мейерхольда.

Слухи ходили разные. Сейчас предполагают, что она была убита агентами НКВД, хотя доказательств нет. Сын Есенина и Райх, Константин Сергеевич писал в письме к Матвею Ройзману.

"Всеволод Эмильевич был арестован 20 июня 1939 года. Мне было уже 19 лет. Я отлично помню всю эту «эпопею» в мельчайших подробностях.

Что касается смерти Зинаиды Николаевны, то хочу Вас, Матвей Давидович, уверить, что «молва» многое нанесла на это довольно просто объяснимое убийство. Не буду Вам об этом писать. Скажу только, что следствие по этому делу велось очень бестолково и бессистемно, сомневаюсь и в том, что оно было добросовестным...

Я уехал из Москвы в Константинов, под Рязань, вечером 13 июля, а в ночь с 14 на 15 и случилась эта трагическая беда.

Ограбления не было, было одно убийство. Всякие «мифы» о золотых портсигарах и запонках — действительно мифы.

У Мейерхольда никогда не было золотого портсигара, да если бы и был, он был бы конфискован при обыске, так как при арестах и обысках, как известно, все золотые вещи конфискуются.

Насколько мне известно из весьма солидных источников, по делу матери были

осуждены три, совершенно между собой не связанные бандитские группы...".

После смерти Зинаиды Райх на квартире ее был найден небольшой листок с планом воспоминаний о Есенине. Упомянуты были отдельные эпизоды их жизни. Кто знает, может быть исчезли и более пространные записки Райх о поэте? Так или иначе, но смерть унесла с могилу тайну их жизни и их любви.